

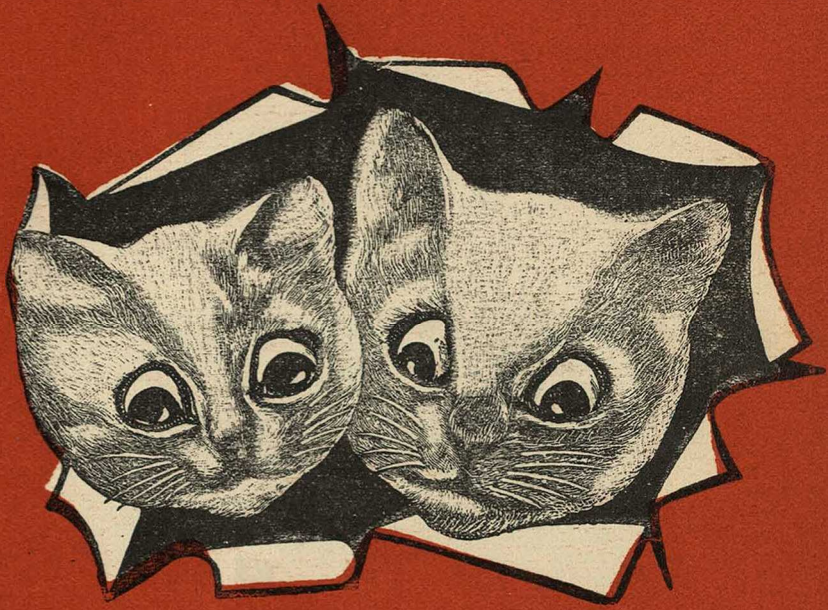
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія шестой.

ДЕКАБРЬ.

№ 4.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЕЛКА (стих.).

КОГДА ЗАЖИГАЕТСЯ ЕЛКА.

ЗИМОЙ (стих.).

ДВѢ СИРОТКИ (повѣсть).

МАЛЕНЬКІЙ ПЕТЬКА.

ГОЛОВОЛОМКИ.

РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Сельцо—для склеиванія.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Послѣ игры въ снѣжки.

Е Л К А.

Вотъ и елка въ бусахъ яркихъ,
Въ блескъ радужныхъ свѣчей!
На вѣтвяхъ висятъ подарки.
Сколько фруктовъ и сластей!
Дѣдъ-Морозъ въ высокой шапкѣ
Ужъ принесъ игрушекъ возъ,
Рядомъ—сдѣланный изъ папки,
Длинный черный паровозъ.

Картонажи, бездѣлушки
Изъ бумаги золотой
И украшена верхушка
Золоченою звѣздой.
Сколько смѣха и веселья!
Пѣсни, шумъ со всѣхъ сторонъ!
И на елкѣ ожерелья
Издаютъ чуть слышный звонъ.

Е. Селунская.

КОГДА ЗАЖИГАЕТСЯ ЕЛКА.

Высоко на горѣ, у самой опушки
лѣса, стояла избушка бабушки
Анны.

Внизу по долину бѣжалъ, изви-
ваясь, потокъ, за потокомъ начи-
нались горы. Хребетъ за хребтомъ,
одинъ выше другого, тянулись
онѣ до самаго горизонта.

Весной было очень хорошо у
бабушки Анны. Черемуха распу-
скала свои душистыя бѣлыя кисти,
пахло влажной землей и со всѣхъ
сторонъ по горѣ шумѣли ручейки,
прыгая по камнямъ.

Лѣтомъ было еще лучше, но
всего красивѣе была осень. Зацвѣ-
таль верескъ и вездѣ разстилалось
безбрежное море цвѣтовъ, то розо-
вато-красное, то ярко лиловое.

Въ этомъ морѣ росъ брусничникъ

съ красными ягодами и выгляды-
вала пунцовая гвоздика.

Чѣмъ дальше шла осень, тѣмъ
синѣе становились горы и тѣмъ
ярче горѣлъ закатъ. Природа точно
выбирала свои самыя лучшія кра-
ски, зная, что скоро наступитъ
конецъ всякой радости.

Зимой было иначе. Все было
пустынно и мрачно, и рѣдко кто
рѣшался подняться на гору по
скользкой тропинкѣ.

Лѣтомъ и осенью старая Анна
собирала сухія вѣтки и сучья, заго-
товляла топливо на зиму. Но когда
наступали большіе холода, то не-
льзя было согрѣться въ старой избѣ
и оставалось только молчать и
зябнуть.

Съ ѣдой тоже было плохо по

зимамъ. Но старуха не жаловалась. Пока есть хлѣбъ, говорила она, горевать не приходится.

О себѣ она мало думала. Вся ея забота была о восьмилѣтней внучкѣ Эльзѣ, постоянно чувствовавшей голодь и просившей ѣсть. Лѣтомъ Эльза по цѣлымъ днямъ исчезала изъ дома. Она собирала цвѣты и ягоды и не хуже зайцевъ чувствовала себя на лугу.

Осенью дѣвочка начала ходить въ школу. Дорога была неблизкая, туда и оттуда не меньше версты. Когда же погода испортилась и дни стали коротки, старая Анна нашла, что маленькой Эльзѣ трудно ходить такъ далеко. Къ тому-же она сама едва двигалась отъ ревматизма, который даетъ себя знать въ холодное время, и безъ дѣвочки не могла обойтись.

А затѣмъ настала зима. Въ этотъ разъ она пожаловала раньше, чѣмъ ее ждали. Уже въ ноябрѣ показался снѣгъ и чѣмъ ближе къ Рождеству, тѣмъ погода становилась все хуже. Бури и метели не прекращались. Небо было темное, земля побѣлѣла, снѣгъ шелъ по цѣлымъ днямъ. Избушка бабушки Анны дрожала отъ холода.

Въ сочельникъ метель стихла. Эльза, выглянувъ утромъ изъ двери, увидала ясное небо, на которомъ не было ни облачка. Снѣгъ блѣстѣлъ и искрился, и на его гладкой поверхности не было ни одного человѣческаго слѣда, только кое

гдѣ виднѣлись отпечатки птичьихъ лапъ и запутанные узоры отъ пробѣжавшей мыши.

— Бабушка, я пойду сегодня въ городъ и отнесу пряжу, сказала Эльза. Въ такой ясный день я успѣю еще до сумерекъ вернуться домой.

Старуха согласилась.

Дѣвочка уложила пряжу въ корзину, поцѣловала бабушку и отправилась.

Всю дорогу она думала о томъ, что сегодня сочельникъ, самый торжественный день въ году, когда родился младенецъ Иисусъ. И, конечно, поэтому и небо такое яркое, красивое, и солнце такъ радостно свѣтитъ, и снѣгъ искрится, и тѣни такія синія и мягкія, точно бархатныя. Вечеромъ вездѣ зажгутъ елки. Говорятъ, это очень красиво. Елка, настоящая, изъ лѣса, но вся увѣшена золотыми и серебряными нитями и къ каждой вѣткѣ прилѣплены свѣчки. Когда ихъ зажгутъ, то дерево блеститъ, точно звѣзды упали на него съ неба.

Эльза мечтала, какъ только умѣетъ мечтать маленькая нищая дѣвочка ея лѣтъ, о томъ, какъ-бы хоть разъ въ жизни взглянуть на такое великолѣпіе.

Она шла и думала и чѣмъ больше думала, тѣмъ быстрѣе шагала. Подъ конецъ она побѣжала со всѣхъ ногъ и скоро очутилась въ городѣ.

Во всѣхъ лавкахъ шла оживленная торговля. — Въ ихъ окнахъ

было выставленно самое лучшее. Улицы были полны народа. Лошади фыркали, колокольчики звенѣли. Вездѣ была суета, и скорѣе можно было подумать, что настала осенняя ярмарка, чѣмъ канунъ праздника.

Эльзѣ, пришедшей съ горы, гдѣ царилла полная тишина, сдѣлалось даже страшно.

Когда она добралась до булочницы, жившей на другомъ концѣ города, то оказалось, что не было ни минутки свободной поговорить съ ней. Покупатели густыми рядами стояли въ булочной и ожидали своей очереди получить заказанныя ими булки и конфеты. Хотя булочница со старшей дочерью и была по горло занята съ покупателями, но она тотчасъ же замѣтила дѣвочку и крикнула своей младшей дочери, бывшей тутъ-же въ лавкѣ:—

— Анюта, уведи-ка Эльзу къ бабушкѣ и посмотри, чтобы ее покормили. Пусть дадутъ ей кофе и булочекъ. Сегодня у всѣхъ долженъ быть праздникъ.

Минуту спустя, Эльза была уже въ комнатѣ, гдѣ сидѣла и вязала старая бабушка. Въ печкѣ горѣлъ яркій огонь. Все было чисто и нарядно; сразу можно было догадаться, что нынче сочельникъ.

Бабушка ласково сняла съ дѣвочки всѣ теплые платки, въ которые она была завернута, и даже башмаки съ ногъ, чтобы посушить ихъ у огня. Затѣмъ она дала ей

горячаго кофе и столько булочекъ и сухарей, сколько только Эльза могла съѣсть.

— Бѣдняжка, какъ тебѣ далеко идти домой, проговорила старушка. Надо дать тебѣ чего-нибудь вкуснаго и для бабушки.

Съ этими словами, она взяла у Эльзы корзину, вышла изъ комнаты и когда опять вернулась, то корзина была такъ полна, что крышку пришлось привязать веревочкой.

— А вотъ и деньги за пряжу, сказала старушка, сунувъ въ руку Эльзы пару серебряныхъ монетъ. Тутъ немножко больше, чѣмъ слѣдуетъ, но я думаю, что твоя бабушка за это не разсердится.

И она ласково разсмѣялась.

Эльза чувствовала, какъ по всему ея тѣлу разлилось тепло и какъ на сердцѣ у нея тоже стало теплѣе. Но башмаки уже высохли, оставалось только поблагодарить и идти домой. Маленькая Анюта что-то шепнула старушкѣ. Та кивнула ей головой въ знакъ согласія и, обратившись къ Эльзѣ, дѣвочка спросила:

— Хочешь взглянуть на нашу елку?

Эльза сразу стала пунцовая и у нея сердце громко застучало въ груди, когда Анюта ввела ее за руку въ сосѣдную комнату. Посреди ея стояла Рождественская елка, доходившая до самаго потолка. На сучкахъ лежала бѣлая

вата, изображавшая снѣгъ, и къ каждой вѣткѣ была придѣлана свѣчка. Надъ зелеными иглами тянулись серебряныя и золотыя нитки, казавшіяся блестящей паутиной, а на самой верхушкѣ дерева была звѣзда изъ серебряной бумаги. Это было такъ красиво, такъ красиво, что Эльза отъ восторга даже не могла произнести ни слова.

— А когда же зажгутъ ее? спросила она.

— Въ началѣ вечера, какъ только запрутъ лавку и мы останемся одни, отвѣтила маленькая Анята. Нужно, чтобы было темно; тогда только и можно зажечь елку.

Эльза вздохнула.

— Я тогда должна уже быть дома, прошептала она.

— Тебѣ позволять остаться и полюбоваться на нее, сказала Анна и побѣжала къ бабушкѣ.

— Можно Эльзѣ остаться у насъ, пока не зажгутъ елку? спросила она.

— Конечно, можно, отвѣчала, бабушка, но тогда ей придется переночевать у насъ.

— Такъ оставайся у насъ! воскликнула маленькая Анята, захлопавъ отъ радости руками.

Позвали на совѣтъ булочницу и ея старшую дочь.

Тѣ сказали то-же самое.

Онѣ, со смѣхомъ, начали снимать съ Эльзы все, что она уже накутала на себя. Нужно же хотъ

разъ въ жизни ей встрѣтить хорошо и весело Рождество и поглядѣть на елку во всемъ ея великолѣпіи!

— Сейчасъ въ елкѣ нѣтъ ничего особеннаго, говорили онѣ.— Подожди, когда зажгутъ свѣчи. Ты не можешь себѣ представить, какъ будетъ красиво!

Эльза хорошо представляла, что это должно быть красивѣе всего, что она когда либо видѣла, и ея сердце готово было разорваться отъ желанія остаться здѣсь. Но она вспомнила о своей одинокой бабушкѣ, которая лежитъ теперь въ холодной избушкѣ и съ нетерпѣніемъ ждетъ ее и тревожится о ней.

Если ея маленькая внучка не вернется домой къ вечеру, то она перепугается, не будетъ спать всю ночь и, пожалуй, еще даже умретъ.

Сердце сжалось у бѣдной Эльзы и она проговорила громко и рѣшительно:

— Нѣтъ, я не могу остаться! Бабушка испугается. Мнѣ надо домой. Я сейчасъ пойду.

Она торопливо опять стала одѣваться, чувствуя, что если ее будутъ уговаривать, то у нея не хватитъ силъ отказаться.

— Бабушка догадается, что ты осталась у насъ, убѣждали ее.— Вѣдь только на ночь! Сочельникъ бываетъ всего только одинъ разъ въ годъ!

Эльза плотно обернула голову

платкомъ, чтобы ничего не слышать.

— Благодарю васъ! сказала она. До свиданія!

Женщины переглянулись.

— Знаешь, что? шепнула булочница бабушкѣ.—Сегодня сочельникъ, всѣмъ людямъ должно быть хорошо... Если ей невозможно остаться у насъ, то положимъ ей въ корзинку куклу и денегъ, но такъ, чтобы она не замѣтила. Это будетъ сюрпризомъ, когда она придетъ домой!..

И тайкомъ отъ Эльзы онѣ положили ей въ корзину прелестную куклу и кучку денегъ и все это прикрыли сверху булочками и печеньемъ.

— Въ такомъ случаѣ—прощай! сказали онѣ.—Желаемъ тебѣ счастливаго Рождества!

Эльза взяла корзину и отправилась домой.

Короткій зимній день догоралъ. Небо поблѣднѣло и приняло зеленоватый оттѣнокъ, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ закатывалось солнце, горѣло точно расплавленное золото.

На улицахъ по прежнему было много народа, но никто не подумалъ о маленькой дѣвчкѣ, которая брела по снѣгу.

Эльза вышла за городъ, когда солнце уже закатывалось. Она не прошла еще и половины пути до дома, какъ наступили сумерки.

Она испугалась и побѣжала бѣгомъ, перепрыгнула черезъ кана-

ву и кинулась въ лѣсъ, не обращая вниманія на сугробы. Въ этомъ мѣстѣ должна была идти окольная дорога на гору. Лѣтомъ она по ней часто бѣгала. Теперь все было подъ снѣгомъ, но Эльза не сомнѣвалась, что найдетъ ее.

Громадныя сосны и ели поднимались кругомъ и частый перелѣсокъ черной стѣной окружалъ поляну, на которую она вышла. Только въ одномъ мѣстѣ открывалась какъ бы узкая аллея между громадныхъ деревьевъ. Можетъ быть, это и была дорога, занесенная теперь снѣгомъ. И Эльза пошла къ ней. Просѣлка поднималась въ гору, глыбы камней все чаще и чаще высывались изъ подъ снѣга. Между тѣмъ окончательно стемнѣло. Надъ верхушками сосенъ показался тоненькій серпъ луны и высоко въ небѣ заблестѣли звѣзды, которыхъ высыпало такое множество, что скоро весь небесный сводъ былъ усыянъ ими и млечный путь длинной бѣлой полосой ярко выдѣлялся на немъ. Кругомъ ни звука. Такъ тихо, что дѣвочка удивлялась, почему она не слышитъ, какъ горять и искрятся звѣзды. Но онѣ свѣтились безконечно далеко отъ нея.

— Посижу здѣсь, рѣшила дѣвочка, и отдохну!.

И она сѣла подъ сосну и оперлась о ея стволъ спиною.

Вдругъ что-то зашевелилось около ея ногъ. Маленькая мышь вы-

бѣжала къ ней изъ лѣсной чащи.

— Помоги мнѣ, спаси меня, запищала она, за мной гонится сова. Она сразу проглотитъ меня, если поймаетъ. Какъ это ужасно!

— Притаись у моихъ башмаковъ, отвѣтила Эльза.

Мышь быстро юркнула къ ней подъ ноги. Не успѣла она спрятаться, какъ надъ самой головой дѣвочки послышалось хлопанье крыльевъ, и сова тяжело опустилась на пенъ.

— Не видала-ли ты здѣсь мышенка? спросила сова, тараща глаза на Эльзу. Онъ только что пробѣжалъ мимо меня. Я хочу его съѣсть!

— Да, я видѣла его, отвѣтила Эльза. — Онъ запрятался въ чащѣ отъ страха, что ты съѣшь его. Но вѣдь въ Рождественскую ночь ни одинъ лѣсной звѣрь не долженъ дѣлать другому зла!

— Это правда, отвѣтила сова. Почему-же тогда за мной по пятамъ крадется лиса? Это такая кумушка, на которую никогда нельзя положиться! Ай, батюшки, да вонъ и она сама!

И она съ испуга захлопала крыльями.

— Садись ко мнѣ на корзину, предложила ей Эльза. — Я прикрою тебя платкомъ. Лиса тебя не увидитъ!

Сова слетѣла съ пня и успѣлась на крышкѣ корзинки, а Эльза закрыла ее платкомъ. Мышеночъ

воспользовался этой минутой, и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать и скрылся въ чащѣ.

Показалась лиса. Она потихоньку кралась впередъ, и, остановившись передъ Эльзой, проговорила сладенькимъ голоскомъ: —

— Милая дѣвочка, не видѣла-ли ты здѣсь старую противную сову? Я хочу ее съѣсть.

— Ну, это было-бы большой несправедливостью, отвѣтила Эльза. Во всякое другое время она не ушла-бы отъ тебя, но въ нынѣшній вечеръ твои зубы не смѣютъ касаться живой твари, потому что всѣмъ на свѣтѣ должно быть хорошо.

— Но видишь ли, продолжала лиса, озираясь кругомъ, — я тоже боюсь. Я отлично чую, что волкъ рыскаетъ по близости. Онъ совсѣмъ бѣшенный отъ голода и потерялъ послѣднюю волчью совѣсть, какую имѣлъ. — Если я попаду ему въ лапы, то мнѣ будетъ бѣда.

Лисица боязливо оглянулась еще разъ и прошептала:

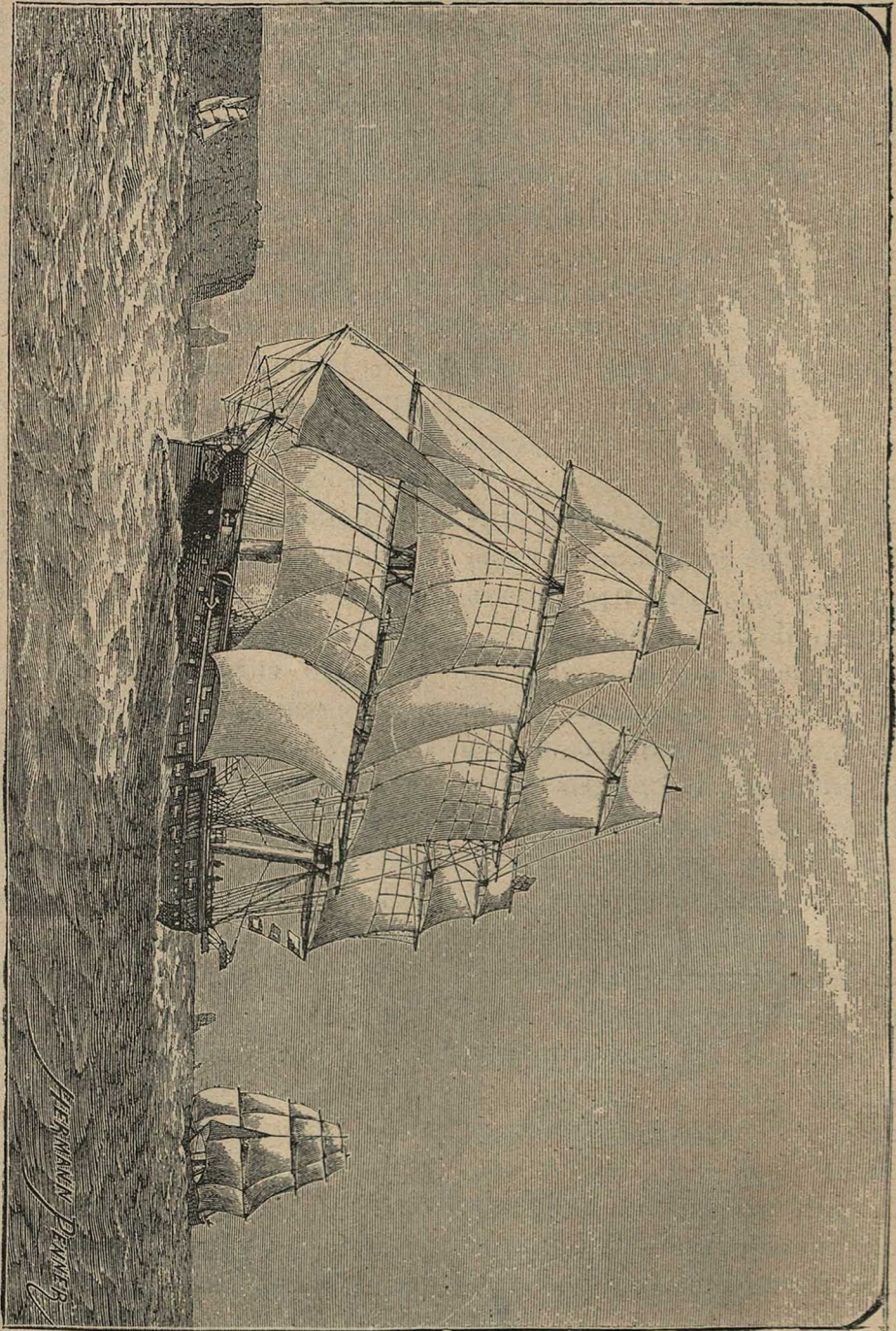
— Вонъ онъ! Куда мнѣ только дѣваться?

— Ложись здѣсь, сказала ей маленькая Эльза, — я накидаю на тебя снѣгу, и волкъ не увидитъ тебя!

Лиса послушалась, и Эльза зарыла ее въ снѣгъ. Когда не стало видно даже кончика ея рыжаго хвоста, то сова взмахнула крыльями и поднялась къ звѣздамъ.

Въ кустахъ между стволами со-

Джок

Дѣдь съ олгой.

сень послышался трескъ. На полянку рысью выбѣжалъ волкъ и остановился передъ дѣвочкой. Изъ разинутой пасти у него свѣшивался толстый красный языкъ. Онъ тяжело дышалъ и, глядя на Эльзу, проговорилъ, хриплымъ простуженнымъ голосомъ:—

— Дѣвунка, гдѣ лиса?

— Почему я знаю? отвѣтила Эльза.—Вѣрно, притаилась гдѣ нибудь въ снѣгу! Ей не очень то хочется быть съѣденной тобой.

Волкъ съ минуту постоялъ, и затѣмъ сказалъ:

— Пустая болтовня! Все равно она отъ меня не уйдетъ!

— Развѣ можно въ нынѣшній вечеръ обижать другихъ? отвѣтила Эльза.—Сегодня всѣмъ на свѣтѣ должно быть хорошо! Проходи своей дорогой!

— Да, но я не увѣренъ и за самаго себя, потому что Мишка меня видѣлъ. Если онъ даже и не съѣстъ меня, то можетъ случиться, что онъ въ дурномъ настроеніи и полѣзетъ драться! Тогда я пропасть. Слышишь, какъ онъ тамъ рычитъ среди деревьевъ?

— Такъ бѣги скорѣй, посоветовала Эльза,—а я задержу медвѣдя, пока ты не скроешься.

Волкъ побѣжалъ такъ, что только снѣгъ поднялся столбомъ. Когда онъ исчезъ, лиса однимъ прыжкомъ выскочила изъ подъ снѣга и пустилась въ противоположную сторону.

На полянѣ показался огромный медвѣдь. Замѣтивъ Эльзу, онъ поднялся на заднія лапы и засмѣялся. На немъ была такая толстая шуба, что онъ точно огромный мохнатый комокъ стоялъ на снѣгу. Только и можно было рассмотреть красную пасть да маленькіе глаза.

— Слушай-ка ты, моя куколка, проговорилъ онъ.—Не пробѣжалъ ли здѣсь голодный волкъ?

— Нѣтъ, здѣсь его не было, отвѣчала Эльза,—а далеко отсюда я дѣйствительно видѣла одного. Онъ промчался со всѣхъ ногъ и теперь далеко отсюда. У него, вѣрно, мало было охоты ждать, чтобы ты его съѣлъ.

— Не только волка, ни какого мяса я не ѣмъ въ нынѣшнюю ночь, отвѣтилъ ей медвѣдь. Если-бы это было дозволено, то я съ большой охотой попробовалъ бы такой лакомый кусочекъ, какъ ты. Ты такая розовая, нѣжная, съ пухленькими ручками и на вкусъ, вѣроятно, будешь какъ самый лучшій медовый пряникъ!

Съ этими словами онъ, протянувъ лапы, пошелъ прямо на нее.

Эльза отъ страха подняла такой крикъ, что снѣгъ посыпался съ сосны, подъ которой она стояла. Медвѣдь засмѣялся.

— Дурочка! проговорилъ онъ.—Вѣдь я же сказалъ тебѣ, что ни одинъ звѣрь въ лѣсу не смѣетъ сдѣлать что-нибудь худое въ эту ночь!

— Въ такомъ случаѣ будь добръ и уходи, прервала его Эльза. Пожалуйста, иди своей дорогой, а я пойду домой!

— Какъ хочешь, согласился медвѣдь, но за то, что ты такая добрая, я хочу тебѣ сдѣлать подарокъ.

Онъ пошарилъ у себя за пазухой и вынулъ оттуда куклу съ розовыми щеками и закрывающимися глазами.

— Вотъ тебѣ куколка! сказалъ онъ.—Возьми ее себѣ и играй ею на здоровье!

У Эльзы сердце подпрыгнуло отъ радости.

— Какая хорошенькая! воскликнула она.

Она схватила куколку и прижала ее къ груди.

— А эти деньги ты передай своей бабушкѣ, продолжалъ медвѣдь.

И онъ протянулъ къ ней кучку монетъ.

Не вѣря своимъ глазамъ, она взяла отъ него монеты и, вываливъ изъ корзинки булочки прямо на снѣгъ, положила въ нее деньги и куклу.

— А ты положи туда-же и булочки! засмѣялся медвѣдь.

И онъ стребъ булочки лапами и всыпалъ ихъ обратно поверхъ куклы и денегъ.

— А теперь—прощай! сказалъ онъ и, опустившись на всѣ четыре лапы, тяжело въ перевалку побрелъ по дорогѣ и пропалъ въ лѣсу.

У Эльзы сердце все еще билось отъ радости, и она не двигалась, чтобы перевести дыханіе. Въ лѣсу опять наступила таинственная тишина. Луна закатилась и небо свѣтилось милліонами звѣздъ. Среди нихъ дѣвочка вдругъ увидала одну, которой раньше не замѣтила. Она была огромная и яркая, точно цѣлый снопъ звѣздъ слился вмѣстѣ, и отъ нея во всѣ стороны тянулись длинные серебряные лучи, отъ которыхъ свѣтился самый воздухъ.

— Понимаю, подумала Эльза, это рождественская звѣзда, которая привела волхвовъ къ новорожденному Спасителю.

Поднявъ голову, дѣвочка стала любоваться ею. Вдругъ до нея донеслись необыкновенные звуки, точно гдѣ-то далеко, далеко ударили въ колоколь. Еще и еще!.. Теперь казалось, что сразу зазвонили колокола всего міра. Звуки неслись со всѣхъ сторонъ воздушные и ликующіе. Они поднимались все выше и выше, и скоро звенѣли и дрожали среди безчисленныхъ звѣздъ. Во время этого радостнаго звона большая Рождественская звѣзда, начала тихо спускаться, точно скользя по небу, и коснулась самой высокой сосны. Въ ту же минуту вершина дерева загорѣлась яркимъ свѣтомъ, который быстро разлился по всѣмъ сучьямъ и вѣткамъ. Дерево сразу засіяло сотнями свѣчей. Не успѣ-

ла Эльза опомниться отъ удивленія, какъ засвѣтилось другое, третье. Точно кто то летѣлъ съ горящей ниткой и зажигалъ повсюду ряды свѣчъ отъ верхушекъ уходившихъ чуть не въ небо сосенъ до самыхъ маленькихъ еловыхъ кустовъ у ихъ подножья. Въ нѣсколько минутъ каждое дерево стояло, какъ пышно разукрашенная Рождественская елка, каждая свѣчка блестѣла, точно звѣздочка, а снѣгъ на вѣтвяхъ и сучьяхъ искрился и переливалъ, какъ безчисленные бриллианты. И вдругъ съ неба слетѣлъ ангелъ и тихонько, легкими, какъ сонъ, пальчиками коснулся плеча Эльзы.

— Ты пожалѣла о бабушкѣ и о животныхъ, сказалъ онъ, — и вотъ тебѣ награда!

Блескъ былъ такой яркій и ослѣпительный, что Эльза должна была зажмурить глаза. Отъ массы сіявшихъ деревьевъ въ лѣсу сдѣлалось свѣтло, какъ въ самый ясный день, и дорога стала видна, какъ на ладони, но дѣвочка все еще сидѣла подъ сосной; она не могла наглядѣться на окружавшую ее красоту. Нѣкоторыя сосны горѣли голубымъ огнемъ, другія свѣтились зеленымъ, а въ глубинѣ лѣса точно колыхалось яркое красное пламя. — Но на вершинѣ cadaго дерева одинаково блестѣла и испускала лучи большая звѣзда.

— Ангелъ Божій, не уходи отъ

меня!.. сказала Эльза. — Мнѣ такъ здѣсь хорошо съ тобою!

Но онъ взмахнулъ крылышками и улетѣлъ. Она открыла глаза. Теперь уже освѣщенія не было, тянулся ельникъ и кругомъ стояли высокія, вѣковыя сосны, покрытыя снѣгомъ. Эльза поднялась и пошла. Лѣсъ кончился. Впереди тянулась поляна, а вдали, на другомъ концѣ ея, мигалъ огонекъ въ окнахъ бабушкиной избытки и манилъ ее къ себѣ. Дѣвочка пустилась бѣжать. Но прежде чѣмъ постучать въ дверь, она обернулась, чтобы еще разъ взглянуть на деревья, но весь блескъ уже померкъ. Лѣсъ стоялъ по прежнему молчаливый и черный, какъ ночь. Колокола больше не звонили. Надъ пустынной поляной, занесенной снѣгомъ, поднималось небо, и на немъ сіяли звѣзды.

Эльза тихо постучалась въ дверь.

— Это я, бабушка, сказала она — отвори!

Послышались тяжелые шаги старухи. При видѣ Эльзы она отъ радости едва могла говорить. — Она такъ боялась, что съ дѣвочкой случилось что нибудь дурное дорогой, потому что давно уже была полночь.

— Какъ ты долго! сказала она. — А я думала, что ты уже и не придешь!

— А что я, бабушка, видѣла! воскликнула Эльза. — Что мнѣ подарилъ медвѣдь!

— Какой медвѣдь? гдѣ?

— Въ лѣсу... Ты посмотри, что онъ мнѣ подарилъ!

Она зажгла двѣ свѣчки, приготовленныя для Рождественскаго вечера, и выложила на столъ все, что было въ корзинѣ. Оттуда высыпались печенья, деньги и кукла.

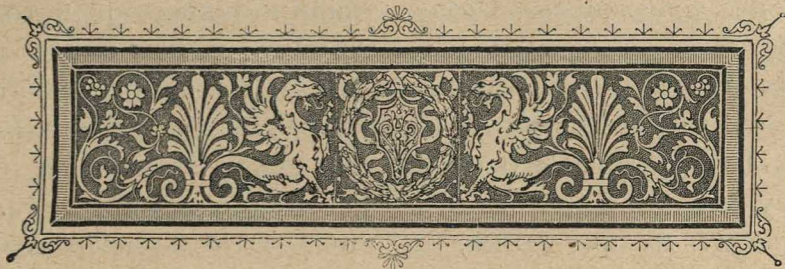
Эльза нѣсколько разъ открывала ротъ, собираясь обо всемъ рассказать, но опять сжимала губы. Нѣтъ, она лучше не будетъ говорить, да она и не сумѣла бы рассказать,

всего, такъ все было необыкновенно!

А бабушка стояла тутъ-же, смотрѣла на деньги и на куклу и не знала, что подумать. Кукла и деньги лежали передъ нею на столѣ и никто на свѣтѣ не могъ-бы убѣдить Эльзу въ томъ, что она въ лѣсу спала и видѣла сладкій, очаровательный сонъ.

По Нюблумъ (со шведскаго)

Е. Корякина.

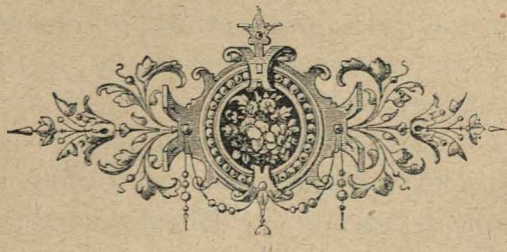

ЗИМОЙ.

Вьюга снѣгъ мететь кругомъ,
Подъ окошкомъ злится,
Бросить въ стекла снѣжный комъ,
У дверей стучится.
Близко къ окнамъ подойдетъ,—
Всколыхнется штора,—
Нарисуетъ переплетъ
Снѣжнаго узора.
Въ дѣтской все давно ужъ спитъ,
Лишь луна изъ оконъ

Вдругъ украдкой озарить
На подушкѣ локонъ,
И на бѣлую постель
Льетъ потоки свѣта.
На дворѣ шумить метель
Дѣтямъ снится лѣто,
Снятся солнечныхъ лучей
Золотыя сѣти,
Даль зеленая полей,
Вишни въ бѣломъ цвѣтѣ.

Е. С.

ДВѢ СИРОТКИ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Прошла недѣля, съ тѣхъ поръ, какъ Костя отплылъ на пароходѣ въ Россію и увидалъ на пристани Назаровну съ Катей. Бабушка Наталья Кириловна сидѣла у себя въ домикѣ съ голубыми воротами и думала думу.

Быль уже сочельникъ. Снѣгъ кучками висѣлъ на голыхъ вѣтвяхъ деревьевъ и мягкимъ, бѣлымъ ковромъ лежалъ на дворѣ и на площади. Цѣлыя горы его были стрегены у тротуаровъ и такъ и остались лежать на праздники. На улицахъ было необычное движеніе. Взадъ и впередъ ѣздили извозчики, торопились люди, каждый старался поскорѣе купить для себя все нужное къ празднику и во всемъ городѣ стоялъ тотъ суетливый, дѣловой гомонъ, которымъ вездѣ отличаются послѣдніе дни передъ рождествомъ. У бабушки было все уже вымыто и вычищено въ домикѣ, ярко блистали ручки у дверей и отдушники у печей и въ самовары можно было глядѣться, какъ въ зеркало. Чистенькіе половички протянулись черезъ комнаты и съ мягкой, старинной мебели были сняты чехлы. Дуняша выбивалась изъ силъ, наводя чистоту и вытирая пыль тамъ, гдѣ

ея и не было совсѣмъ. Въ комнаткѣ, приготовленной для Кости и уже три недѣли тщетно дожидавшейся гостя, все было выколочено, выбито и ласково разставлено вновь по мѣстамъ. Все въ домикѣ улыбалось своей милой, но незаѣйливой красотой и только одна бабушка ходила назадъ и впередъ хмурая и печальная и только глубоко — глубоко вздыхала.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, шептала она, — что-то тамъ съ Костей? Гдѣ-то онъ? Что съ нимъ такое, что онъ такъ долго не ѣдетъ? Ужъ живъ-ли онъ?

Она не знала, что ея внукъ потерпѣлъ кораблекрушеніе и цѣлыя двѣ недѣли пролежалъ больной въ госпиталѣ нѣмецкаго городка. Съ трепетнымъ сердцемъ она ждала его домой каждый день, она горячо молилась за него, ложилась спать съ его именемъ на устахъ и вставала полная радостной, но въ то-же время и пугливой, надежды, что вотъ—вотъ послышится за окошкомъ скрипѣнье саней по снѣгу и въ комнаты вбѣжитъ онъ, ея любимчикъ, единственный близкій человѣкъ, оставшійся для нея на свѣтѣ. Но вбѣжитъ-ли онъ? Живъ-ли онъ и не пережила-ли

его она? Часа за два до прихода поѣзда она уже начинала поглядывать на часы, считала минуты и по мѣрѣ того, какъ стрѣлка двигалась къ сроку, она все больше и больше волновалась и все чаще и чаще выглядывала въ окно. Но когда проходилъ срокъ и Костя не пріѣзжалъ, то она печально улыбалась своей неудачѣ и говорила:—

— Навѣрное, поѣздъ опоздалъ!

Но когда мимо оконъ начинали показываться извожники съ сѣдоками и съ багажомъ и когда становилось уже очевиднымъ, что поѣздъ пришелъ и что они ѣхали съ вокзала, то бабушка Наталья Кириловна печально отходила отъ окна и усаживалась въ кресло. Время до слѣдующаго поѣзда казалось ей безконечнымъ, но и слѣдующій поѣздъ не приносилъ ей радости. Было несомнѣнно, что съ Костей что-то случилось, что онъ застрялъ гдѣ-то на пути, но принять какія-нибудь мѣры, бросить все и отправиться за нимъ на поиски бабушка не могла, это было не подъ силу ея женскому, старческому уму и она только поглядывала умолявшими глазами на образъ и крестилась.

— Господи, помилуй! шептала она.—Господи, помилуй! Застуши, спаси и сохрани!

Мрачныя мысли приходили ей въ голову и, чтобы хоть сколько нибудь развлечь себя и отогнать

ихъ отъ себя, она доставала изъ комода завѣтный узелокъ и въ который уже разъ раскладывала передъ собою бѣлье Кати. Рубашечки, простыньки, чепчики и крестъ приводили ее въ умиленіе. Она не могла наглядѣться на нихъ и вмѣстѣ съ нѣжными духами, которыми обрызгала ихъ когда-то Евгенія Федоровна, на нее вѣяло отъ нихъ сладкой сказкой о дѣтяхъ и о семьѣ. И всякій разъ ей хотѣлось быть не одной, а имѣть около себя много дѣтей, чтобы они шумѣли, путались въ ногахъ, задавали ей вопросы и вносили въ ея тихое, однообразное житіе струю живой воды, тѣ радости жизни, о которыхъ она давно уже не смѣла мечтать. Ея единственная дочь умерла; ея зять тоже умеръ гдѣ-то въ чужихъ краяхъ и послѣ нихъ остался одинъ только Костя, но и онъ гдѣ-то застрялъ въ пути, а можетъ быть и тоже погибъ. И глядя на бѣлье Кати, старушка старалась вообразить себѣ ее, эту маленькую, неизвѣстную ей дѣвочку, и ей хотѣлось, чтобы она тоже была около нея и вмѣстѣ съ Костей, который долженъ возвратиться во что-бы то ни стало, бѣгала-бы тутъ по комнатамъ и наполняла-бы своимъ веселымъ щебетаньемъ все уголки.

Наглядѣвшись до сыта на бѣлье, она бережно связывала его въ узелокъ и снова прятала его въ комодъ. Входила Дуняша, упра-

Дѣдъ пришелъ!!

Папа прі́халъ!

вившаяся отъ работы, и почти-тельно останавливалась у двери.

— Вотъ скоро прѣдетъ нашъ Костенька!.. ужъ въ который разъ говорила она.

— Да, отвѣчала ей бабушка. — Теперь ужъ скоро!..

Въ сочельникъ обѣ онѣ сходили въ церковь. По обычаю приготовили кутью и взваръ и не ѣли до самой звѣзды. Обѣимъ было скучно. Если-бы не привычка и не святость дня, то онѣ вовсе не накрывали-бы столъ и не ѣли-бы ничего. Всѣ поѣзда уже пришли и ушли, теперь было ясно, что Костя не прѣдетъ, хотѣлось досадовать и плакать, но дѣлать было нечего и приходилось молча покоряться своей судьбѣ.

А Костя тѣмъ временемъ уже подъѣзжалъ къ родному городу. Тысячи верстъ уже остались позади него, онъ счастливо миновалъ границу и вѣхалъ въ Россію. Вотъ уже русскіе солдатики, русская рѣчь, вывѣски на русскомъ языкѣ и русскіе широкобородыя лица. Пахнетъ на станціяхъ щами; когда поѣздъ подходитъ къ какому нибудь городу, то слышно, какъ звонятъ на церквахъ колокола, и душу Кости наполняетъ радость, что онъ наконецъ на родинѣ, у себя дома, и онъ чувствуетъ, что какъ-бы хорошо ни было за границей, а дома все-таки лучше, и нетерпѣніе овладѣваетъ всѣмъ его существомъ.

Ему кажется, что поѣздъ не ѣдетъ, а ползетъ, и что если-бы его воля, то онъ выскочилъ-бы сейчасъ изъ вагона прямо на снѣгъ и скорѣе поѣзда побѣжалъ-бы къ своей бабушкѣ, которая ожидаетъ его уже такъ давно.

— Скорѣй! Скорѣй! подгоняетъ онъ.—Ну, чего ты такъ ползешь?

Но вотъ уже и Орель. Завтра онъ будетъ уже дома. Завтра сочельникъ. Костя прѣдетъ какъ разъ подъ самое Рождество и отъ того, что онъ прѣдетъ, праздникъ будетъ вдвое веселѣе и для него, и для бабушки, и онѣ цѣлые дни будутъ ей рассказывать о томъ, что съ нимъ произошло, кого онъ видѣлъ и что испыталъ. Она будетъ его закармливать вкусными кушаньями, которыхъ онъ ужъ такъ давно не ѣлъ, онъ будетъ кататься во дворѣ на санкахъ съ горы и она выйдетъ къ нему на крыльцо и будетъ смотрѣть на него ласковыми глазами и то и дѣло спрашивать, сытъ-ли онъ, не хочется-ли ему чего-нибудь поѣсть и не надѣтъ-ли ему на голову шаплькы? О, родина, о, это счастье быть въ своемъ родномъ углу, видѣть около себя близкихъ людей и сознавать, что и ты самъ дорогъ для нихъ и дѣлаешь счастливыми другихъ!

И полный нетерпѣливаго ожиданія, Костя собираетъ свои пожитки и выходитъ изъ вагона. Въ Орлѣ пересадка. Сейчасъ онъ ся-

детъ въ другой поѣздъ и поѣдетъ по другому направленію, а завтра къ вечеру будетъ ужъ дома. Ура!

Но едва только Костя ступаетъ на платформу, какъ его подхватываетъ живая волна людей и увлекаетъ его съ собою. Тысячи пассажировъ съ котомками, сумками и чемоданами живою лавиной движутся изъ края въ край, спѣшать, и, наступая и толкаясь другъ о друга, стремятся поскорѣе добраться до вагона и занять мѣсто получше. Гулъ голосовъ. Воскличанія. Свистки локомотивовъ и шипѣніе пара. Все это сливается въ одинъ общій ревъ, похожій на шумъ моря, и кажется такимъ-же стихійнымъ, какъ и оно, и Костѣ сразу-же приходится на умъ та минута, когда онъ упалъ съ парохода въ море и волны окружили его со всѣхъ сторонъ.

— Тише! слышатся крики. — Сдайте немножко назадъ! Успѣете все!

Но толпа не знаетъ и не хочетъ знать ничего и живымъ потокомъ льется къ вагонамъ, точно вода, прорвавшаяся сквозь плотину.

Кто-то наступаетъ Костѣ на ногу, его сжимаютъ со всѣхъ сторонъ. Онъ взвигиваетъ и не знаетъ, что ему дѣлать. Ни взадъ, ни впередъ. Но въ то-же время чья-то сильная рука схватываетъ его за талию и поднимаетъ кверху.

— Не лѣзь, молодчикъ! говорить ему какой-то человекъ.—

Тебя здѣсь задавятъ! Подожди другого поѣзда!

И онъ выноситъ Костю изъ толпы и вводитъ его въ вокзалъ.

— Будь тутъ! говоритъ онъ.— Развѣ не видишь, какое передъ праздниками движеніе? Вѣдь тебя замнутъ.

— Но мнѣ нужно! отвѣчаетъ Костя.— Я ѣду изъ заграницы и спѣшу къ бабушкѣ. Она меня ждетъ.

— Будь тутъ! продолжаетъ человекъ.— Я слышалъ, что черезъ два часа пойдетъ еще другой поѣздъ, дополнительный. Тогда ты сядешь въ него и поѣдешь! Тамъ будетъ просторнѣй! О немъ еще не знаетъ никто!

И онъ уходитъ и оставляетъ Костю одного. Костѣ досадно, что онъ пріѣдетъ домой на два часа позже и въ неуказанный въ росписаніи срокъ, и ему хочется плакать и снова бѣжать къ вагонамъ, но на платформѣ еще такъ много народа, что ему мѣста въ вагонѣ уже не найти. И, положивъ свой узелочекъ въ уголку, онъ садится на него и начинаетъ терпѣливо ожидать условленныхъ двухъ часовъ. Горятъ огни, пахнетъ табачнымъ дымомъ и чѣмъ-то вкуснымъ отъ сосѣдняго буфета, кругомъ сидятъ такіе-же путники, какъ и онъ самъ, и время тянется такъ долго, точно въ часѣ цѣлая тысяча минутъ. А затѣмъ подають новый, допол-

нительный, поѣздъ, онъ садится въ него и отправляется въ путь. Мимо него тянутся во мракѣ ночи темные лѣса, поля, кое-гдѣ мелькаетъ огонекъ сторожевой будки и иногда цѣлымъ дождемъ, точно свѣтящіяся мухи, пролетаютъ мимо оконъ искры отъ локомотива. Онъ развязываетъ свою постель, устраивается на ночь, свертывается калачикомъ и засыпаетъ сладкимъ, безмятежнымъ сномъ. Много-ли для него надо? Завтра вечеромъ онъ будетъ дома, для него кончится его скитальческая, многострадальная жизнь и потянутся новые, счастливые дни. О, только-бы поскорѣе это завтра, только-бы не такъ долго тянулся этотъ завтрашній день!

Но прошла ночь, наступилъ солнечникъ и съ каждымъ поворотомъ колеса Костя все ближе и ближе подъѣзжалъ къ родному городу. Бабушка уже рѣшила, что онъ не прійдетъ совсѣмъ, и поѣвши кутьи, сѣла у стола въ гостиной и стала по обычаю раскладывать пасьянсъ. Весь домикъ погружился въ молчаніе и слышно было, какъ въ форточку завывалъ вѣтеръ. Ахъ, какъ она не любила этого завыванья! Въ послѣднее время испортились ея нервы и каждый шорохъ, каждый шумъ казались ей большими, раздражали ее и вся эта мебель, всѣ эти диваны, кресла и столы казались ей хранившими въ себѣ какую-то

тайну заброшенности и одиночества, которыя напоминали ей о смерти. Въ такія минуты она много думала и ей казалось, что все уже потеряно для нея и Костя не вернется къ ней уже никогда. А когда наступили сумерки и съ надворья еще рѣзче донеслось до нея подываніе вѣтра, то ей стало такъ больно и такъ грустно, что невѣдомая никому слеза тихо скатилась у нея по щекамъ и упала на карты.

— Ахъ, Костенька, Костенька!.. въ которой уже разъ повторила она. — Сохрани и помилуй тебя, Царица Небесная! Какъ-то ты тамъ въ чужомъ краю?..

И вдругъ ей послышалось, что у крыльца кто-то остановился. За скрипѣли полозья по снѣгу и зафыркала чья-то лошадь.

— Тпруу!... раздался чей-то голосъ.

Она вздрогнула, поднялась съ мѣста и прислушалась. Да, кто-то дѣйствительно подъѣхалъ къ домику. Она подошла къ окошку и, приложивъ ладони къ вискамъ, посмотрѣла на улицу. Сквозь сумерки и слабый свѣтъ мерцавшаго по ту сторону улицы фонаря она увидѣла извозчика. Кто-то маленький выскочилъ изъ саней и взбѣжалъ на крыльцо. Кто-бы это могъ быть? Бабушка знала, кто это, но не повѣрила своимъ глазамъ и схватилась за грудь. Неужели это онъ?

— Дуняша! Дуня! едва имѣла

она силъ закричать.—Иди сюда скорѣе!... Отвори!..

Послышались быстрые шаги пробѣжавшей со всѣхъ ногъ Дуняши и вдругъ распахнулась дверь и въ комнату вбѣжалъ мальчикъ. Боже мой, какая сказочная, безумная радость! Розовый, въ серебристой снѣжной пыли, онъ сбросилъ съ себя пальтишко и кинулся на встрѣчу къ бабушкѣ. Она увидѣла своего дорогого Костю, хотѣла было прижать его къ себѣ, крѣпко обнять его, но ноги подкосились у нея и она прислонилась къ стѣнѣ, чтобы не упасть.

— Костенька!.. Костя!.. зашептала она. — Ангелочекъ мой! Да какъ-же ты выросъ, какой ты сталъ большой!..

Онъ бросился къ ней, прижалъ ее къ сердцу, сталъ ее цѣловать, а около нихъ хлопотала Дуняша, ахала и охала и хваталась то за одинъ предметъ, то за другой. Зажглись свѣчи, застучала посуда, зашумѣлъ самоваръ и маленькій домикъ съ голубыми воротами пронулся опять, ожилъ и наполнился звуками дѣтскаго, счастливаго голоса. Съли пить чай, заговорили и, слушая Костю, бабушка и Дуняша смотрѣли на него большими, удивленными глазами и онъ казался имъ героемъ и что-то въ самой глубинѣ ихъ сердець говорило имъ, что все, пережитое имъ, было не проста и что впереди предстояли еще новыя событія, кото-

рыхъ онъ не могли себѣ представить, но которыя предчувствовали душой.

— А что-же было въ той корзинѣ, спросила бабушка Костю, — которую ты спасъ въ морѣ и оставилъ затѣмъ на паперти у церкви?

— Не знаю... искренно отвѣтилъ Костя.—Должно быть, кошка или ребенокъ. Что-то мяукало или плакало, какъ дитя.

— Это, должно быть, ребенокъ! рѣшила бабушка.—Кому-же охота во время кораблекрушенія прятать кошку въ корзину!

А когда Костя рассказалъ о томъ, какъ, отбѣзжая на пароходѣ, онъ встрѣтилъ на берегу какую-то русскую бабу и помахалъ ей фуражкой, то для бабушки не оставалось уже больше никакого сомнѣнія, что между этой женщиной и корзиной была какая-то неуловимая связь, которой она не могла объяснить, но которую чуяла душой.

— Ахъ, бѣдная, бѣдная!.. показывала головой Дуняша. — Такъ она тамъ на чужбинѣ и осталась одна? Вотъ грѣхъ-то тяжкій какой!.. А завтра—Рождество. Поди тоже и ей хочется помолиться Богу и покушать куты!

И она была права. Одинокая Назаровна сидѣла въ это время далеко на чужой сторонѣ, въ чуждой для нея семьѣ, укачивала на колѣняхъ Катю и думала о дорогой Россіи. Теперь тамъ былъ сочель-

никъ, завтра будетъ Рождество, и все это будетъ безъ нея и не для нея; никому не будетъ дѣла, гдѣ она, и что съ ней, и никто о ней не вспомнить и не вздохнетъ.

И низко склонившись надъ Катей, она напѣвала ей пѣсни и боялась, какъ бы Францъ Фидлеръ и фрау-Луиза не замѣтили ея слезъ.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАЛЕНЬКІЙ ПЕТЬКА.

Тукъ-тукъ-тукъ!

Это подуль вѣтеръ и елка постучала вѣтками въ окошко. Дѣти соскочили съ кровати и перебѣжали на цыпочкахъ черезъ дѣтскую. Взобравшись на диванъ, стоявшій у окна, они стали смотрѣть въ темный, утопавшій во мракъ ночи, паркъ.

— Завтра Рождество... сказалъ Андрюша. — Когда знаешь, что завтра зажгутъ елку и раздадутъ подарки, — то какъ-то не хочется спать. Все думаешь о подаркахъ...

— Да, отвѣтила Оля, — и я никакъ не могу уснуть... Все думаю и думаю... Давай посидимъ здѣсь на диванѣ, пока намъ не захочется спать!

— Давай!

Андрюша и Оля поглубже усѣлись на диванъ и подобрали подъ себя босыя ноги. Послѣ тепленькихъ постелей имъ было теперь прохладно и, прижавшись одинъ къ другому, они чувствовали, какъ согрѣвали другъ дружку тѣломъ. Во всемъ домѣ было тихо. Послѣ долгихъ хлопотъ, уборки и при-

готовленій къ празднику, всѣ въ усадьбѣ рано улеглись спать и слышно было только, какъ тикали часы, да гдѣ-то далеко, въ буфетной, кричалъ подъ печкой сверчокъ.

Дѣти были не въ духѣ. Завтра, въ сочельникъ, у нихъ должна быть елка, было приглашено много гостей, но одни прислали сказать, что у нихъ въ семьѣ появилась корь, — и поэтому нельзя было ѣхать, а другіе, — что настали большіе морозы и трудно везти такъ далеко въ саняхъ дѣтей. Приходилось устраивать елку только для самихъ себя, а это означало, что танцевъ не будетъ и что праздники пройдутъ тихо и скромно, совсѣмъ не такъ, какъ ожидали Оля и Андрюша.

— Давайте пригласимъ деревенскихъ дѣтей! предложилъ имъ папа. — Мы дадимъ имъ пряниковъ и орѣховъ — и они будутъ довольны.

Но мысль о деревенскихъ дѣтяхъ съ ихъ валенками и большими, старыми отцовскими кар-

тузами не улыбалась Олѣ и Андрюшѣ, имъ хотѣлось такихъ-же дѣтей, какъ и они сами, въ красивыхъ праздничныхъ костюмахъ, и въ дорогихъ башмачкахъ, дѣтей, которыя умѣютъ потанцовать и отъ матерей которыхъ такъ вкусно пахнетъ нѣжными, дорогими духами.

— Я ни за что не хочу, чтобы у насъ были деревенскія ребятишки! сказала Оля. — Я ихъ не люблю!

— Я тоже, отвѣтилъ Андрюша. — Горбатый Ванька такой некрасивый!

Они сидѣли на диванѣ, думали о завтрашнемъ днѣ и скоро ихъ стало клонить ко сну.

— Хоть-бы няня пришла и рассказала намъ сказку!.. вздохнулъ Андрюша.

Въ это время снова набѣжалъ вѣтеръ и елка опять постучалась вѣтками въ окно.

— Тукъ-тукъ-тукъ! Хотите, я расскажу вамъ сказку? сказала она. — Только прикурните тутъ на диванѣ и прижмитесь другъ къ другу поближе, чтобы было теплѣе!

Дѣти забрались въ самый уголокъ дивана.

— Я расскажу вамъ про самое себя, продолжала елка. — Но, быть можетъ, вы не хотите?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣтила Оля. — Намъ очень приятно услышать твою исторію!

— Въ такомъ случаѣ — слушайте. Я не всегда росла въ нашемъ паркѣ и у вашего отца. Прежде я жила на полянкѣ въ самой глубинѣ дремучаго лѣса, тамъ, гдѣ обитаютъ феи и эльфы и собираются лѣсные духи. Тамъ всегда слышались пѣніе птичекъ, журчаніе

ручейковъ и жужжаніе насѣкомыхъ. Ранней весной вокругъ меня росли фіалки и ландыши. Иногда вздохъ ночного вѣтерка нарушалъ тишину и я и мои сосѣдки — елки покачивали вѣтвями. По ночамъ звѣзды мигали намъ и рассказывали намъ свои исторіи о томъ, что онѣ видѣли на своемъ вѣку. Онѣ старше всѣхъ и потому мудрѣе всѣхъ. — „Все на свѣтѣ существуетъ, говорили онѣ намъ, — чтобы приносить пользу. Все на свѣтѣ цѣлесообразно и нѣтъ на землѣ такой песчинки, которая была-бы не нужна“. И я часто задавала себѣ вопросы, для чего существую я и какую могу принести пользу?

— Будь терпѣлива и жди, сказала мнѣ однажды старая ель. — И ты создана не даромъ.

Вокругъ меня летали бабочки и стрекозы и старались сообщить мнѣ то, что имъ по секрету рассказывалъ вѣтерокъ. У моего ствола на травѣ рѣзвились эльфы, а когда наступала ночь и они укладывались спать, то выходили лѣсные феи, плавали вокругъ меня по воздуху и танцовали при лунномъ свѣтѣ до самаго утра. А я все думала и думала и никакъ не могла рѣшить вопроса, для чего я была создана и жила на свѣтѣ?

Однажды я проснулась отъ какого-то страннаго, рѣзкаго звука, который заставилъ меня задрожать. Оказалось, что это люди съ топорами рубили моихъ подругъ и онѣ, бѣдняжки, одна за другой валились мертвыя на землю. Мои вѣтки похолодѣли отъ страха: конечно, очередь должна была дойти и до меня. Но ко мнѣ подошелъ

Передъ праздникомъ.

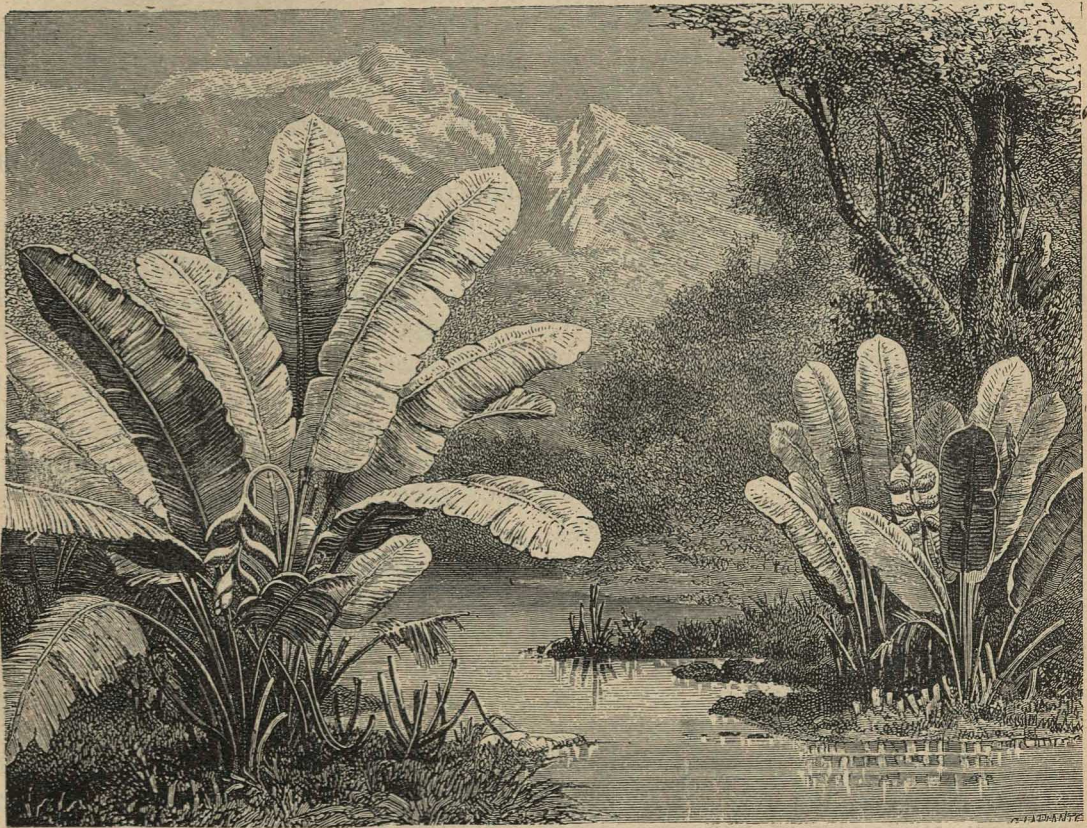
одинъ изъ дровосѣковъ и оглядѣлъ меня со всѣхъ сторонъ.

— „Ну, эта красавица годится и для елки на Рождество!“ одобрительно сказалъ онъ. — „Ее не надо рубить!“

И, выкопавъ меня и еще нѣ-

— Прощай, бѣдняжка! отвѣтили мнѣ старыя елочки. — Если ты не засохнешь, то помни объ насъ!

Насъ вывезли изъ лѣса и долго везли въ городъ. Здѣсь насъ посадили въ большія кадки. Мнѣ ужасно хотѣлось пить и я отъ

Подъ тропиками. Въ странѣ вѣчнаго лѣта.

сколькихъ молоденькихъ елокъ съ корнемъ, онъ оттащилъ насъ всѣхъ къ сторонѣ и затѣмъ погрузилъ насъ на телегу.

— До свиданія! Прощайте! закричала я роднымъ деревьямъ. — Больше мы не увидимся съ вами никогда!

И тонкимъ, сѣренькимъ налетомъ слезы выступили у меня на вѣтвяхъ.

жажды опустила даже свои вѣтви. Но человекъ сжалился надъ нами и полилъ насъ водой. Я напилась и сразу похорошѣла. Затѣмъ насъ вывезли на базаръ. Около меня случайно оказалась небольшая елка, которая уже испытала на себѣ всю эту судьбу. Въ яркихъ краскахъ она описала мнѣ всю восхитительную красоту рождественскихъ елокъ и мнѣ вдругъ бе-

зумно захотѣлось, чтобы меня поскорѣе продали къ дѣтямъ, убрали свѣчками, сладостями и фруктами и обвѣшали блестящими бурами и звѣздами.

— И тебя продали? спросил Андриуша.

— Да, отвѣтила елка и снова постучалась въ окошко. — Но вы, кажется, уже спите? Шли-бы въ кровати и укрылись-бы одѣяльцами съ головой!

— Ничего!... сквозь сонъ прошептала Оля. — Продолжай!

— Меня купилъ какой-то господинъ и привезъ къ большому дому, въ которомъ жили богатые люди. Но по пути къ нему мы проѣхали черезъ узенькія, грязныя улицы, гдѣ у домовъ стояли блѣдно-одѣтые люди и гдѣ было такъ душно въ воздухѣ, что тяжело было дышать. Были здѣсь и маленькія дѣти, но какія-то жалкія, оборванные, игравшія прямо на улицѣ, на грязномъ липкомъ снѣгу, но въ глазахъ у нихъ свѣтились довѣріе и доброта. Они были такія худенькія, блѣдныя, что на нихъ было жалко смотрѣть. Когда я ѣхала поѣтимъ улицамъ, то они окружали меня со всѣхъ сторонъ, хлопали въ ладоши, прыгали и кричали:—

— Елочка! Елочка! Куда тебя везутъ?

Я лежала рядомъ съ той елкой, которая уже испытала на себѣ всю нашу елочную судьбу, и спросила ее:

— А что, и у этихъ дѣтей тоже бываютъ на Рождество елки? И имъ тоже даютъ подарки?

— О, нѣтъ! отвѣчала моя сосѣдка. — Большинство изъ этихъ дѣтей даже никогда и не видѣло,

что такое игрушки! Они ѣдятъ только черный хлѣбъ и почти никогда не пьютъ молока. До елокъ ли имъ, когда иной разъ приходится голодать?

Мнѣ стало жаль этихъ дѣтей.

Какъ бы я хотѣла быть елкой именно у нихъ! сказала я.

Въ это время я почувствовала, на себѣ пристальный взглядъ какого-то маленькаго, тщедушнаго существа, которое всѣ называли Петькой. Онъ смотрѣлъ на меня восторженными глазами и, протянувъ ко мнѣ свою худую ручку, нѣжно потрогалъ меня за вѣтви. Я оглянулась на него и увидѣла его блѣдное лицо и горбатую спину.

— Какая хорошенькая елочка! проговорилъ онъ. — Какъ жаль, что я никогда въ жизни не видѣлъ рождественской елки!..

— Вишь, чего захотѣлъ, горбунъ! отвѣтила ему худая, тощая женщина. — Не съ твоимъ носомъ бывать на елкахъ. Развѣ мы богатые?

— А на небѣ, у Боженьки, есть елки? опять спросилъ горбунъ.

И, не получивъ отвѣта, онъ глубоко вздохнулъ и попледелъ своими кривыми ножками на тротуаръ.

И какъ мало я тогда думала, что снова встрѣчусь съ этимъ Петькой! Но объ этомъ потомъ.

Вскорѣ насъ подвезли къ громадному дому съ колоннами, въ которомъ всѣ окна были освѣщены. Здѣсь я разсталась со своей подругой. Меня внесли по роскошной лѣстницѣ въ большую, богато-убранную комнату. Вошли дамы и мужчины въ дорогихъ костюмахъ, потомъ лакеи

и горничныя внесли на подносахъ цѣлыя горы разныхъ лакомствъ и картонажей. Всѣ стали меня украшать, точно невѣсту къ вѣнцу, разными блестками и подъ тяжестью навѣшенныхъ на меня вещей я опустила книзу вѣтки.

— Какая хорошенькая елочка! любовались мной мои хозяева.— Какъ хорошо, что она не срублена, а выкопана вмѣстѣ съ землею! Теперь она можетъ долѣе простоять и не завянуть.

На другой день вечеромъ раздалась музыка, широко распахнулись двери и въ залу вбѣжало множество дѣтей, которыя изумленными глазками стали смотрѣть на меня, хлопать въ ладоши и за тѣмъ стали весело вокругъ меня танцовать. Дѣвочки были такъ нарядны, какъ куклы, висѣвшія на моихъ вѣтвяхъ: у нихъ были длинные распущенные волосы, онѣ были красиво одѣты и на ножкахъ у нихъ были хорошенькіе башмачки. Всѣ онѣ были румяны и веселы и, глядя на нихъ, я невольно сравнивала ихъ съ тѣми дѣтьми, которыхъ я видѣла, когда проѣзжала черезъ грязные кварталы.

Я простояла въ своемъ праздничномъ нарядѣ всѣ праздники, меня зажигали еще не разъ, а за тѣмъ съ меня сняли всѣ украшенія, уложили ихъ въ картонку и спрятали ихъ до будущаго года въ турецкій диванъ. Какая-то женщина подошла къ моей хозяйкѣ и спросила ее:—

— А что прикажете дѣлать съ самой елкой?

— Послѣ завтра—Новый годъ, отвѣтила хозяйка,—еще не поздно. Отдайте ее куда-нибудь въ пріютъ

или въ больницу для дѣтей. Тамъ вѣдь тоже устраиваются елки!

— Прикажете послать и украшеній?

— Да, пошлите ящикъ или два!

Я задрожала отъ удовольствія, что меня снова будутъ наряжать. Безъ сомнѣнія, и въ больницѣ будутъ дѣти. Значитъ, я опять увижу ихъ восхищенные, ласковые глазки.

Въ тотъ-же день я была уже въ больницѣ, а еще черезъ день стояла уже посреди дѣтской палаты. Все было чинно и строго. Маленькіе страдалцы робко сидѣли по стѣнамъ, сложивъ на колѣняхъ ручки, и однимъ изъ нихъ было запрещено прыгать и веселиться, а другіе и сами не могли этого сдѣлать, потому что были слабы и больны.

— Няня, вдругъ услышала я знакомый голосъ,—подними меня, мнѣ хочется посмотрѣть на елку!

Сидѣлка подошла къ койкѣ и приподняла съ нея блѣднаго ребенка. Я взглянула на него и сразу-же его узнала. Это былъ горбунчикъ Петька. Онъ былъ боленъ и не могъ подняться самъ. Его взглядъ былъ серьезенъ и отъ того, что онъ страдалъ, складка печали лежала вокругъ его губъ. Но когда онъ протянулъ ко мнѣ свои худенькія ручки, его лицо вдругъ засвѣтилось радостью и въ его большихъ глазахъ блеснуло удовольствіе.

— Елочка!.. Елочка!.. проговорилъ онъ.—Какъ я тебя люблю!

И мнѣ стало вдругъ невыразимо пріятно, что и у него, у этого горбунчика Петьки, тоже была елка!

Затѣмъ дѣти что-то спѣли, но

уже не было той счастливой суеты, какую я видѣла въ богатомъ домѣ. Сидѣлки чинно подошли ко мнѣ, чинно сняли съ меня украшенія и роздали ихъ дѣтямъ. Но мнѣ было отрадно, что маленькій Петька видѣлъ меня во всей моей красѣ. А потомъ меня отодвинули въ уголь, сидѣлки ушли, дѣти разошлись, а другія улеглись въ свои постели и во всей палатѣ водворилась тишина. Потушили огни.

На другой день пришелъ докторъ и осмотрѣлъ нѣкоторыхъ дѣтей. Остановившись около Петьки, онъ пощупалъ у него пульсъ и покачалъ головой.

— Едва ли онъ переживетъ эту ночь... шепнулъ онъ нянѣ.—Ужъ очень плохимъ его сюда привезли!

— Бѣдный мальчишка, отвѣтила няня.—Хорошо еще, что ему удалось повидать елку! Все время онъ только о ней и говорилъ.

И оба они отошли къ другому больному.

Я слышала всѣ ихъ слова. Слезы навернулись у меня на вѣтвяхъ.

Къ вечеру Петька оживился; глаза его лихорадочно заблестѣли, онъ то и дѣло вскакивалъ и устремлялъ взоры въ мою сторону. Я знала, что онъ думалъ обо мнѣ и хотѣлъ увидѣть меня еще разъ во всемъ блескѣ и красотѣ. А затѣмъ взглядъ его потухъ, мало-помалу всѣ дѣти заснули, вошла ночная сидѣлка и осмотрѣла Петьку, который тоже, казалось, заснулъ.

— Ишь, какъ разгорѣлся!.. проговорила она, ощупывая его лобъ рукой. Должно быть, жаръ очень великъ!

Притушивъ затѣмъ ночникъ, она подѣла къ нему и стала дремать.

Наступила ночь. Старый годъ медленно умиралъ и передавалъ мѣсто новому году, который уже показался на горизонтѣ. Мои мысли были опять тамъ, у насъ въ лѣсу, въ самой его глубинѣ, гдѣ я росла. Обыкновенно я тамъ встрѣчала новый годъ и лѣсные духи, вылъзая потихоньку изъ своихъ норокъ, начинали танцовать по пушистому снѣгу. Но вотъ часы пробили двѣнадцать. Наступила полночь. Палата погрузилась въ гробовую тишину и сидѣлка опустила голову на грудь и сладко захрапѣла.

— Сюда! Сюда! вдругъ услышала я радостный крикъ.

Оглядываясь вокругъ себя, я увидала, что Петька вскочилъ на кроваткѣ и протянулъ впередъ руки. Его лицо преобразилось отъ радости и мнѣ стало казаться, что къ нему вновь возвратились его силы.

— Сюда, сюда, ко мнѣ! снова проговорилъ онъ и поманилъ кого-то къ себѣ рукой.

И вдругъ вся палата наполнилась какимъ-то страннымъ, удивительнымъ свѣтомъ и, находясь въ самой срединѣ этого свѣта, прекрасный, воздушный ангелъ, испускающая отъ себя лучи, сталъ приближаться къ горбунчику. Бѣлые, нѣжные голуби рѣяли надъ его бѣлокурой головой, его голубыя, ласковые глаза улыбались Петькѣ. На своихъ легкихъ, какъ сонъ, крыльяхъ, онъ подлетѣлъ ко мнѣ, коснулся моихъ вѣтвей и вдругъ вся я засіяла огнями и засверкала драгоценными камнями и тысячами игрушекъ и дорогихъ конфетъ. Лучезарные брильянты

стали переливаться между собою на моихъ вѣтвяхъ и большая алмазная корона вдругъ вспыхнула на моей верхушкѣ. И я поняла тогда, что ни одна елка въ свѣтѣ не была такъ красива, какъ я. Маленькій Петя въ очарованіи всплеснулъ руками и сталъ смотрѣть на меня полными удивленія и радости глазами. Тогда ангелъ подлетѣлъ къ нему, поднялъ его съ кровати и поднесъ его прямо ко мнѣ.

— Эта елка твоя!.. обратился онъ къ нему.—Она принадлежит тебѣ. Бери съ нея все, чего только ни захочешь.

Петька улыбнулся счастливою улыбкою и указалъ ему на алмазную корону. Ангелъ снялъ ее съ меня и надѣлъ ее на него.

— Возьми ее себѣ, сказалъ онъ ему.—Ты заслужилъ ее. Всю свою жизнь ты не зналъ радостей и голодалъ и вотъ тебѣ за это награда!

Послѣ этого онъ поцѣловалъ Петьку въ лобъ и, поманивъ его за собою, умчался съ нимъ далеко-далеко на небо, туда, гдѣ свѣтятъ ласковыя звѣзды, гдѣ млечный путь тянется изъ края въ край и гдѣ молодая, двурогая луна зажигаетъ свой блѣдный фонарикъ, чтобы освѣтить людямъ на землѣ.

Затѣмъ ночникъ погасъ, въ палатѣ сдѣлалось темно и больше я уже не видала ничего. А когда наступило утро и блѣдные лучи разсвѣта заглянули въ окно, то я посмотрѣла въ койку Петьки.

Она была пуста.

Его тѣльце унесли служители изъ палаты и похоронили въ землѣ, но я сама видѣла, какъ божій ангелъ взялъ его на руки и унесъ съ собою на небо. А затѣмъ вошелъ тотъ-же

самый человекъ который принесъ меня въ больницу, вынесъ меня изъ палаты и продалъ меня какому-то садовнику. Садовникъ въ свою очередь продалъ меня вашему папѣ,—и вотъ я расту у васъ въ паркѣ, у оконъ вашей дѣтской. Вотъ и вся моя исторія! А теперь прижмитесь другъ къ другу потѣснѣе, чтобы вамъ было не такъ холодно, и спите на здоровьѣ!

Елка окончила свой рассказъ, вѣтеръ прекратился совсѣмъ и она уже болѣе не стучалась къ дѣтямъ въ окно и небезпокоила ихъ. А когда на слѣдующее утро въ дѣтскую вошла няня, то она увидѣла Андришу и Олю въ однѣхъ рубашкахъ на диванѣ. Оба они крѣпко спали, обнявшись и поджавъ подъ себя ножки, и видно было, что имъ было холодно и хотѣлось во во снѣ, чтобы ихъ кто-нибудь укрылъ. Няня взяла каждого изъ нихъ на руки, осторожно перенесла и уложила ихъ въ кровати и тепло укрыла одеялами. Они спали и не чувствовали ничего. А когда они проснулись потомъ въ своихъ кроваткахъ, то никто на свѣтѣ не могъ-бы убѣдить ихъ въ томъ, что они спали на диванѣ и что всю исторію елки слышали во снѣ. Быстро одѣвшись, они побѣжали отыскивать свою маму. Она была на кухнѣ и распоряжалась по хозяйству. Когда они пробѣгали черезъ всѣ комнаты, то пахло предпраздничной чистотой и запахъ хвои распространялся отъ елки по залѣ.

— Мама, мама! закричали они въ одинъ голосъ. Послушай, что рассказала намъ сегодня ночью наша ель!

И они рассказали мамѣ исторію о Петькѣ.

Затѣмъ они принялись за устройство елки. Папа накупилъ простонародныхъ пряниковъ и сластей, вечеромъ мама играла на роялѣ, а маленькія деревенскіе дѣвочки и мальчики весело плясали вокругъ елки, кто во что гораздъ, и были счастливы, какъ никогда. Счастливыѣ всѣхъ былъ Ванька - горбунъ; онъ какъ вошелъ въ залу, такъ и окаменѣлъ отъ удивленія. Широко раскрывъ свой ротъ и разставивъ руки, онъ смотрѣлъ на елку изумленными глазами и его дѣтскому восторгу потомъ, казалось, не было границъ. Оля и

Андрюша расхаживали среди своихъ гостей, жевали вмѣстѣ съ ними дешевенькія деревенскія сласти и онѣ казались имъ почему-то вкуснѣе, чѣмъ нарядныя лакомства и шоколадъ, къ которымъ они уже такъ привыкли и которыхъ уже такъ много съѣли на своемъ маленькомъ вѣку.

А рассказавшая сказку ель смотрѣлась къ нимъ въ дѣтскую и тихонько постукивала къ нимъ въ окно.

Тукъ-тукъ-тукъ!..

Казалось, что и она принимала участіе въ общемъ весельѣ и вспоминала тѣ дни, когда ангелъ снялъ съ нея корону и подарилъ ее маленькому несчастному Петру.

По E. S. Rogers (съ англ.).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) Древній музыкальный инструментъ.
- 2) Одинокого человѣка.
- 3) Болотную птицу.

Взять отъ cadaго изъ этихъ словъ по первому слогу и составить изъ этихъ слоговъ новое слово, которое означаетъ названіе хищнаго пушнаго звѣря.

II.

Почему ученикамъ задаютъ уроки на домъ?

III.

6-го іюня 1911 года былъ дождь. Дама зашла въ магазинъ и купила себѣ черный, шелковый зонтикъ съ ручкой, отдѣланной въ серебро, и заплатила за него 7 рублей. Зонтикъ оказался прочнымъ и легкимъ. Съ какимъ именно зонтикомъ дама пришла домой?

IV.

Сколько верстъ отъ земли до солнца?

Очехъ рекомеждуется! новая книга для дѣтей: Цѣна 40 коп. Съ пересылкой 55 коп.

„Дружокъ и Оомка“.

Повѣсть съ иллюстраціями:

Выписывать изъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство».

Рѣшеніе головоломки и ребуса, помѣщенныхъ въ № 2 „Золотого Дѣтства“.

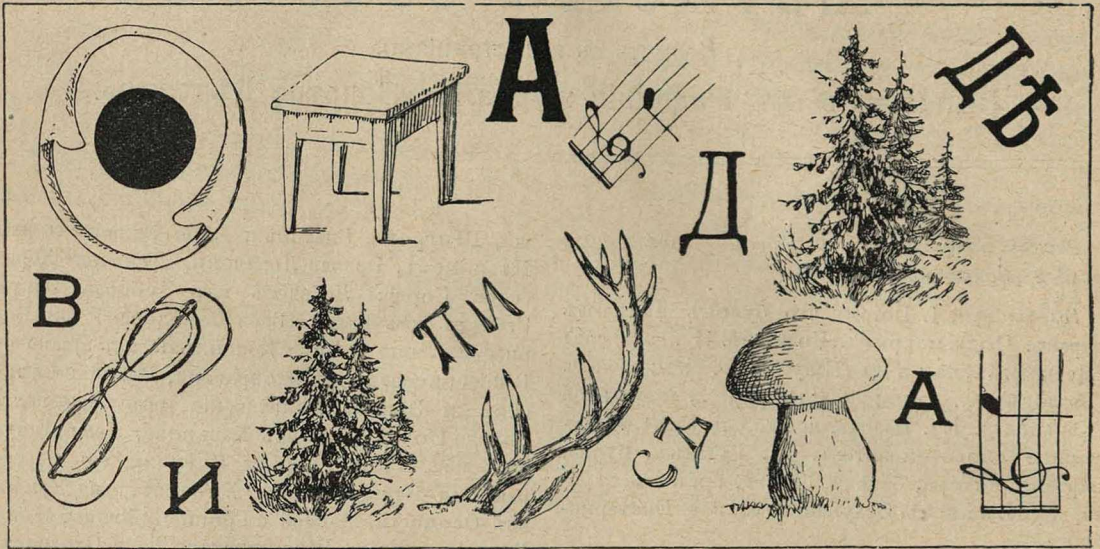
Головоломки: I. Потому что булокъ не даютъ даромъ. Подъ мокрымъ. По спишь. II. ... мо+сква (Москва), ... ка+луга (Калуга), ... ко+зло+въ (Козловъ), ... сама+ра (Самара), ... харь+ков (Харьковъ). III. Морозъ, долото, цвѣтокъ. Задуманное слово—молотокъ. IV. Рубинъ, бурка, картина, гитара, бананъ, берегъ, гранитъ, карета, труба, канатъ. Задуманное слово—Екатеринбургъ.

Ребусъ № 2: На+л+у+гуси+д+ели+к+оса+ри+и+т+очи+ли+к+осы=На лугу сидѣли косари и точили косы.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Кееничка Цетреусъ изъ Вильны, Анна Моисеева изъ Стародуба, П. К. Чулковъ изъ Полоцка, Ирочка Кальнина, Коля и Ваня Смольяниновы изъ Ветлуги, Нина и Валя Свѣжинцевы со ст. Кропачево, Оеда Молчановъ изъ Гостилицъ, Зоя Домбровская изъ Кронштадта, Нюра Молчанова, Витя Дроздовъ въ СПб., Сержикъ, Гогута, Николаша и Татуса Коротковы, Симочка Славницкій, Нюня Шерстинская изъ Чернухъ, Володя Стеллецкій, Юсь Маленькій изъ Конотопа, Зоя Пананашкина изъ Брянска, Оеклуша Эпштейнъ изъ Боромли, Вава Тривога изъ Новгорода, Тася Долганова изъ Новгорода, Вѣра Матвѣева изъ Торжка, Катя Головачева изъ Замирья, Юрикъ Шталь изъ Лодзи, Толя и Саша Стратонитскіе, Георгій, Викторъ и Василій Розенбергъ, Кира Величковскій въ Слонимѣ, Гени и Лилли Лицины изъ Дрездена (Германія), Алексій Пичугинъ изъ Казани, Георгій Добриловскій изъ Кіева, Соня и Нина Конашинскія, Коля Стельмаховичъ изъ Лоева, Сережа Зоновъ изъ Петергофа, Коля Грепачевскій, Шура, Нина, Лидя и Серафима Протопоповы изъ Ржева, Ничочка и Коля Овчинниковы изъ Скопина, Галя Русиловичъ изъ Ковеля, „Львиная Лапа“, Котикъ Сѣпуржинскій, Шура и Володя Омины

изъ Щигровъ, Викторъ и Вѣра Волковичъ изъ Ильинцевъ, Володя Логичевъ, Леночка Хераскова, Сережа Лебедевъ изъ Зубцова, Эдитъ Зебергъ изъ Валка, Боря Соколовскій изъ Борисова, Лена и Зина Коноплевы изъ Иваново-Вознесенска, Надя Тихонравова, Вандочка, Стасикъ и Эдзикъ Маньковскіе изъ Тирасполя, Володя Солонухинъ изъ Харькова, Леля Пичугинъ изъ Казани, Сережа Петровъ изъ Серебрянныхъ-Прудовъ, Боря Хмѣлевъ, Аня Крымъ изъ Теодосіи, Моисей и Гриша Фейгины, Жена Валлехъ, Нюня Шерстинская, Толя Охотникъ, Борисъ М-штамъ, Владиміръ, Анатолій и Евгенія Радченковы изъ Кривого Рога, Слава и Люся Василенко и ихъ мама, Аня, Сима и Сережа Овсянниковы, Люся Папчинская, Нина и Соня Конашинскія, С. Черепова, Тамара и Боря Добровольскіе, гимназистъ Володя Покрываловъ, Шура и Боря Тихомировы изъ Кургана, Боря Буруновскій, В. В. Занковъ, П. С. Барановскій изъ Ставица, Сережа Баыкинъ изъ Самары, Володя Стеллецкій, Миля Каменка, Серафимъ Важинскій, Коля Мацневъ изъ Кіева, Алексій, Аэонасьевъ, Андрюша Федотовъ—донской казачокъ и его тетя Таня Волкова, Антонъ Кравчукъ со ст. Пограничной, Лена, Коля и Нина Проскуряковы, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Нелли Калманокъ Николай Виноградовъ изъ Москвы, Надя и Леля Власовы, Сережа Надеждинъ, Елена КозоГюлянская, Ксения Свиридова, Саша Топольницкій изъ Съдлеца, Андрей Тресковъ, Нина и Валя Свѣжинцевы, Толя Пискова, Нина Горѣлова, Митя Кононовъ изъ Пульницы, Лена Калужская изъ Елисаветграда, Миня Муравьевъ изъ Тихорѣцкой, Зоя Дембровская изъ Кронштадта, Коля и Ваня Смольяниновы изъ Ветлуги, Зоя и Георгій Бернадскіе, Люба Гофманъ, Кира Вейгаузенъ, Талюся Атурина, Варя Наумова въ СПб., Володя Дьяконовъ въ СПб., Костя Ивановъ изъ Касимова, Гога Огаревъ, Стелла Шостаковская.

Ребусъ № 4.

(Фамиліи подписчиковъ вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

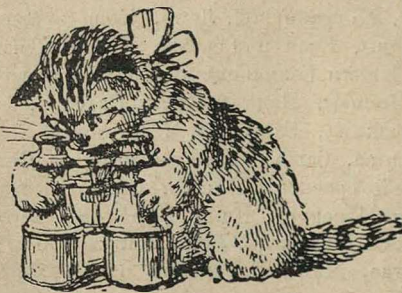
«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказѣ — по 45 коп. за экземпляръ).

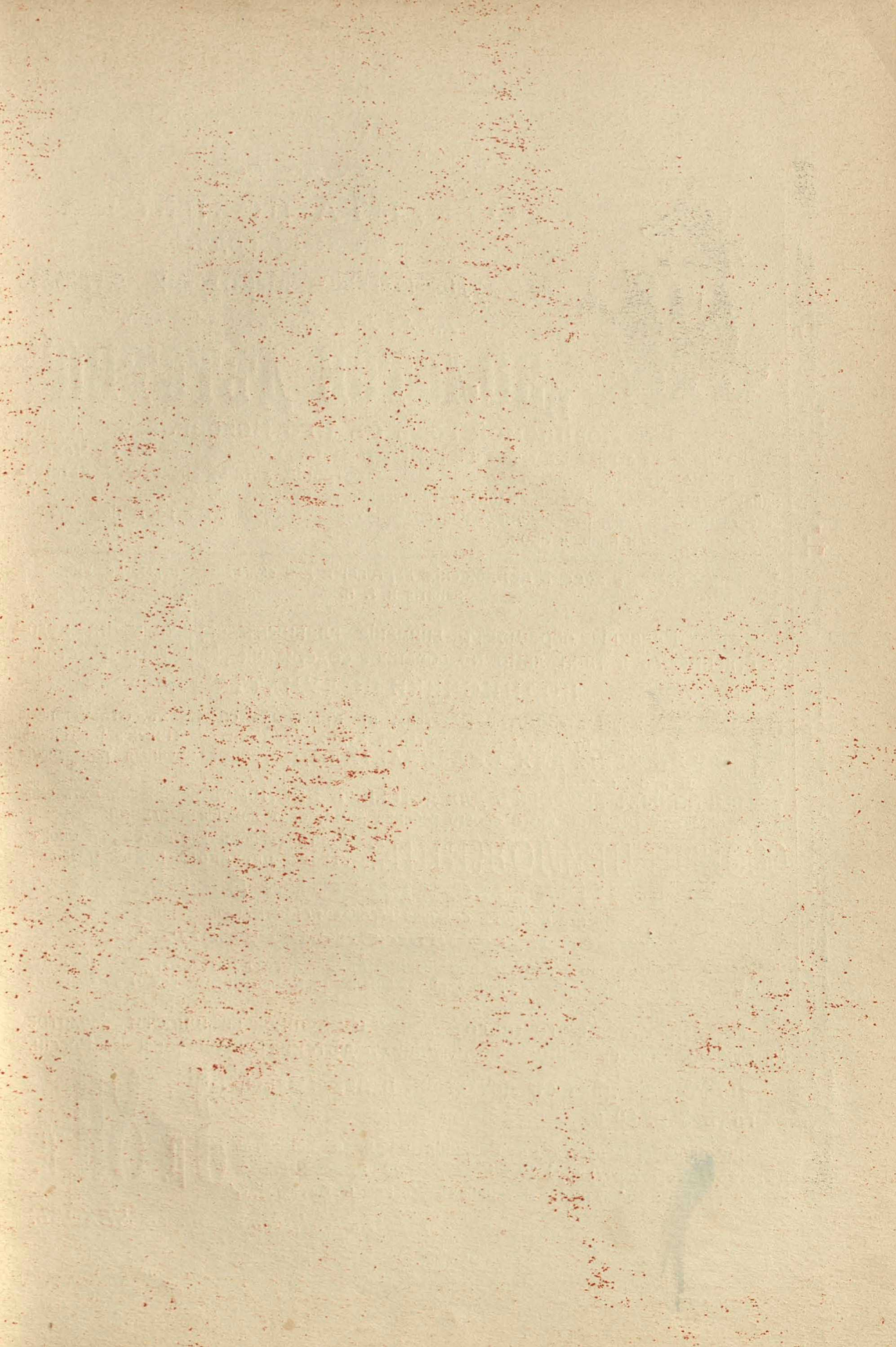
Высылается наложеннымъ платежомъ.

**МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ
ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.**

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

ПОДПИСКА НА ГОДЪ 1913 ГОДА

Годъ 6-й

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

на художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

← Подписной годъ съ 1-го Ноября. →

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).
- 12 ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга сказокъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ подъ заглавіемъ:

— „АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ —

Въ нее войдетъ большая веселая повѣсть-сказка:

„АЛИСА ВЪ ВОЛШЕБНОЙ СТРАНѢ“

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смѣлокки».

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.